

Дэниел Харпер
Явление Эдварда Майлза

За грехи прошлого приходится платить страшную цену

Дэниел Харпер

Явление Эдварда Майлза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22143773

ISBN 9785448348570

Аннотация

Когда Джейсон Кларк возвращался в свой родной городок, он надеялся отдохнуть от работы и суеты большого города. Однако три таинственные смерти спутали его планы. Пытаясь разобраться, в чем дело, он открывает некоторые страшные тайны прошлого. Дело, начавшееся, как расследование преступлений, оказалось намного сложнее и опаснее – теперь ему противостоит тот, кто вернулся, чтобы отомстить за свое убийство. Триллер, детектив, мистика – все это придется пережить герою практически в одиночку.

Содержание

Начало	5
Престон	12
Макферс	19
Карвер	39
Кларк	52
Нэнси Майлз	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Явление Эдварда Майлза

Дэниел Харпер

© Дэниел Харпер, 2016

ISBN 978-5-4483-4857-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Начало

Я припарковал машину и посмотрел на часы. До встречи с адвокатом оставалось еще десять минут с небольшим, поэтому я предпочел остаться в машине. Я мог бы, конечно, подождать и в его приемной, но тогда рисковал встретиться со своим уже бывшим партнером и его крикливым поверенным, а этого мне сейчас хотелось меньше всего.

На улице накрапывал дождь, но это не омрачало моего настроения. Через два часа меня ждала Эмили, и мы собирались провести веселый вечер. Это позволит забыть мне головную боль с продажей своей доли в нашей брокерской компании, превратившуюся за последние месяцы в непрекращающуюся головную боль. Мой партнер всегда страдал путанным чувством времени и излишним вниманием к собственной персоне – последние недели я только и делал что отлавливал его, чтобы подписать ту или иную бумагу. Ему казалось, что если идея продажи исходит от меня, то я должен побегать. Смех, да и только.

Без трех шесть. Я вышел из машины и направился к парадному входу. На мой звонок дверь коротко щелкнула и слегка приоткрылась. Пройдя короткий коридор, я оказался в приемной, где сидела Мойра, молоденькая секретарша Джерико, не очень умна, но исполнительна.

– У меня назначено на шесть часов, – проговорил я.

Мойра кивнула, дежурно улыбнувшись. Включив селектор, она проговорила:

– К вам мистер Джейсон Кларк, – после чего жестом направила меня в кабинет.

Я постучал в дверь кабинета Джерико и почти сразу же вошел. Джерико стоял спиной к дверям, глядя на улицу через широкое окно.

– Привет, – кинул я. – Этого еще нет?

Джерико повернулся и покачал головой.

– Женщины считают, что пунктуальность – это одно из проявлений слабости и подхалимства, поэтому всегда опаздывают. Это я понимаю. Но когда подобное делает мужик..., – Джерико развел руками.

Я прошел и уселся в одно из кресел перед его столом. Джерико не был сторонником панибратских взаимоотношений с клиентами, и это отражалось даже в расстановке мебели в его кабинете. Здесь не было такого уголка для частных бесед, кабинет строго делился на половину хозяина и половину посетителей. Серьезное отношение к работе отражалось и на его внешности – всегда при галстукe, гладко выбрит, строгое выражение лица. Каков на самом деле, каково его, если можно так сказать, истинное лицо и отношение к жизни, видели только близкие друзья и знакомые. Такие, как я, например.

Джерико расположился в своем кресле и расслабленно откинул голову.

– Устал я, Джей. Чертовски тебе завидую. Когда ты уезжаешь?

– Как только закончим эту волокиту, – ответил я.

Джерико махнул рукой.

– Э-э, ты волокит не видел. С твоим делом мы разобрались быстро.

– Только потому, что я согласился практически на все его условия, – лаконично напомнил я.

Джерико рассмеялся.

– Это верно. Кстати, я сделал в ваше соглашение о продаже некоторые дополнения на всякий случай. Мало ли чего... Скользкий тип. Вообще, не понимаю, как ты с ним связался и столько лет проработал вместе.

– Дело привычки.

Раздался сигнал селектора. Джерико неторопливо повернулся и проговорил в микрофон:

– Прибыли?

– Мистер Парсон, к вам мистер Уорден и мистер Аллен, – голос Мойры звучал официально и даже как-то торжественно.

– Пусть войдут. А ты можешь идти домой.

Джерико поднялся, чтобы поприветствовать пришедших. Надо отдать ему должное: сердечности в его поведении не было ни на гран. Ты можешь быть дипломатом, ловкачом, но лицемером – никогда, говаривал он и оставался всегда верен своим словам. Мистер Уорден и его поверенный были

в настоящий момент по другую сторону баррикад, и Джери-ко этого не скрывал. Дело о продаже бизнеса редко попадает в сферу деятельности адвокатов, только при разногласиях. А мистер Уорден, черт бы его побрал, уж постарался, чтобы их оказалось предостаточно. Когда мне надоело пытаться разбираться с очередными его попытками оттяпать побольше, а заплатить поменьше, я обратился к Джери-ко.

Он коротко поприветствовал вошедших и пригласил их сесть.

– Простите за опоздание, мистер Парсон. Пробки, знаете ли, – проговорил Уорден, садясь напротив меня. – Привет, Джейсон, как поживаешь?

– Неплохо.

– Господа! Перейду прямо к делу, – объявил Джери-ко. – Вы ознакомились с содержанием соглашения о передаче прав собственности, который я выслал вам вчера?

– И весьма основательно, – ответил Аллен, кивая.

Было похоже, что сейчас два адвоката затеют зубодробительный профессиональный междусобойчик. Меня бы это вполне устроило, но Уорден был не из тех, кто мирится со вторыми ролями.

– Если позволите, мистер Парсон, – сказал он. – Я выскажу свое мнение.

Надо признаться, при этих словах я немного напрягся и перевел взгляд на своего бывшего компаньона. Если он сейчас начнет еще и в этом почти капитулистском для ме-

ня документе искать какие-то изъяны, я его придушу. Но я был несправедлив к нему. Напротив, он долго и обстоятельно стал высказывать свое восхищение мистером Парсоном и составленным им документом, учитывающим то-то и то-то, который он с удовольствием подпишет. Я расслабился. Теперь можно подумать и о приятных вещах. Я мельком посмотрел на часы. До встречи с Эмили оставалось еще почти полтора часа, так что после того, как мы с Джерико закончим заталкивать в глотку наших оппонентов те куски, которые они из меня вытрясли, еще останется минутка-другая отметить начало новой жизни бокалом шампанского. Я знал, что Джерико всегда хранит несколько бутылок этого замечательного напитка для особых клиентов и торжественных случаев.

Так и вышло. Когда Уорден со своим подручным подписали договор и убрались восвояси, Джерико разлил шампанское и поднял свой бокал:

– Ну, дружище, думаю, что тебя стоит поздравить. Нет, не с фактом продажи бизнеса, ты же знаешь, какой я ортодокс в этих вопросах, но со скорым завершением всех процедур. Я считаю так: уж если решил, делай все быстро.

– Ты чуточку ошибаешься, Джерико, – заметил я, проглотив добрую порцию шампанского. – Смело можешь поздравить меня с самой продажей тоже.

Джерико махнул рукой.

– А-а, ладно об этом. Впрочем, ты действительно выглядел чересчур довольным. Словно, ты пять минут назад

не расстался с двумястами тысячами долларов, которые они из тебя вытрясли только потому, что пересчитали активы по другим котировкам. А ты возьми и согласишься.

– В таких случаях нужно считать не сколько потерял, а сколько мог бы потерять, – возразил я с улыбкой.

Джерико задумчиво поглядел на меня, шутливо погрозил пальцем и проговорил:

– Держу пари, что кое-что запрятано у тебя либо где-то наличными, либо на счетах на подставных лиц. И согласился, чтобы не копали, а?

Он ошибался только в одном – спрятано было не на счетах, а в ценных бумагах, но депонированных, действительно, на подставных лиц. Не очень элегантно или оригинально, но очень эффективно. Я работал биржевым брокером с двадцати лет и к своим тридцати двум годам сколотил довольно солидный капитал, и у меня не было никакого желания делиться заработанными кровью и потом деньгами с бывшим партнером, потому что это были деньги со сделок, совершенных не в рамках нашей компании. Не совсем честно, может быть, но вполне законно. Я провел несколько рискованных операций в свое время и заработал неплохие вполне легальные деньги, о которых знал только я. Потом с помощью нескольких друзей я «похоронил» эти деньги так далеко, что никто бы до них никогда не добрался. После чего начал процедуру выхода из бизнеса. У меня не было уверенности, что Уорден купит мою долю, а если бы появился кто-то

со стороны, аудита было бы не избежать, а возможно и проверки всех моих операций, вплоть до оплаты счетов за электричество в доме, и вот тогда моя предусмотрительность бы пригодилась.

– Могу только повторить то же самое, – сказал я, – лучше потерять меньшее, но сохранить остальное.

Джерико пожал плечами.

– Могу лишь порадоваться за тебя. Налить тебе еще?

– Нет, спасибо, – покачал я головой. – За рулем. Мне еще нужно заехать домой переодеться.

– Ты едешь сегодня?

– Нет, завтра, может, послезавтра. Да, наверняка, в воскресенье. Дороги будут свободные.

Наши посиделки с Джерико никогда не затягивались, поэтому в скором времени я поднялся, поблагодарил за все, сердечно попрощался и вышел на улицу. Джерико лишь поинтересовался на прощание, на сколько времени я собираюсь похоронить себя в деревне.

– Если все сложится хорошо, и я не разочаруюсь во всем, то, возможно, что навсегда.

Джерико покачал головой и повертел указательным пальцем возле виска.

Престон

У моих родителей был небольшой домик с садом в одном из городков близ Ланкастера, и я прилежно гостил у них по несколько раз в год. Мои дела в Нью-Йорке не позволяли мне бывать чаще, но я использовал любое свободное время, чтобы приехать сюда. Два года назад родители погибли в нелепой автокатастрофе, настолько нелепой, что в ней толком даже не было виноватых – автомобиль, стоявший на приколе на обочине, пока хозяин ездил в мастерскую за механиком, выкатился на дорогу, в результате чего столкнулось несколько автомобилей. Отец, сидевший за рулем их «Тойоты», попытался избежать этой свалки, но добился лишь того, что машина врезалась в дерево, и оба погибли. Мать продержалась еще несколько дней, но врачам спасти ее так и не удалось. Хозяин автомобиля, ставшего виновником аварии, все боялся, что ему предъявят иск и привлекут к ответственности. Но люди в провинции слишком просты для подобного – никто не подал иск, никто даже не обвинял его. Я помню, как он ходил к каждому пострадавшему в больницу или домой и приносил извинения, а затем пришел на похороны моих родителей. Я видел, как он дважды пытался подойти ко мне, но так и не решился. Я махнул рукой на это, я был слишком опустошен, чтобы мстить пожилому фермеру за то, что он неверно закрепил ручной тормоз или же вовсе про него за-

был. Его и так судили за неосторожность, приведшую к смерти, так что он был наказан и так. После этого прошло два года, и я продолжал приезжать сюда в свободные дни. Конечно, родителей мне очень не хватало, дом казался пустым, но меня непрестанно тянуло сюда, и я знал, что рано или поздно я окончательно перееду сюда. Я часто видел себя таким отцом провинциального семейства, шумным, добрым и везде поспевающим. Сейчас я еще сильнее чувствовал неприязнь к городской суете, работе и всему тому подобному.

Я взглянул на часы. Почти половина девятого. Нужно поторапливаться, иначе не успею до темноты добраться до дома. А что если... У меня мелькнула мысль заночевать в каком-нибудь мотеле, тем более, что до Ланкастера оставалось больше полсотни миль плюс еще около тридцати – до Престона. Приезжать вечером – плохая примета, сказал я себе и стал высматривать мотель поприличнее.

Через несколько миль я заприметил ярко освещенную вывеску и свернул с дороги. Это был классический мотель, и я подъехал к одному из коттеджей с темными окнами. Ко мне уже спешил администратор, и через пару минут я получил ключи и инструкции, где что находится. Я припарковал машину немного дальше, чтобы не загораживать дорогу, и вошел внутрь.

Наутро я плотно позавтракал, привел себя в порядок и продолжил свой путь. Дышалось легко, и я поблагодарил себя за блестящую мысль сделать на ночь остановку. Иначе

я приехал бы усталый, дом показался бы мне менее уютным, чем был на самом деле, и настроение было бы испорчено в первый же день.

Когда показались первые признаки нашего городка (все называли его деревней, но он давно перерос ее и превратился в самый настоящий маленький провинциальный городок с большим числом разбросанных по окрестностям больших коттеджей и двухэтажных особняков), я почувствовал, что улыбаюсь, как мальчишка. Дорога шла пока немного поверху, и мне хорошо были видны широкие улицы, некоторые асфальтированные, некоторые нет, дворы и даже люди, неспешно идущие по своим делам. Дорога пошла вниз, и через пару минут я свернул с основной магистрали и снизил скорость.

Я знал, что первым мне повстречается по левую руку бар Донована, а напротив него единственный крупный университет, принадлежавший семье Доггерти. Не худо бы промочить горло, решил я, да и поздороваться с Ридли Донованом нужно.

Притормозив около бара, я вылез из машины и нырнул на веранду под тент. Было уже около полудня, и солнце начинало припекать.

Внутри бар ничуть не изменился за те пару месяцев, что меня не было. Почерневшая стойка, стеллажи с напитками, кабинки по периметру – уютно, тихо, по-провинциальному просто и элегантно. Сейчас в баре было занято только два

столика, один занимали местные рабочие-каменщики, которые завтракали из общей сковороды, а за другим сидел неизвестный мне человек и пил кофе. Ридли стоял к залу спиной, и, судя по всему, занимался разглядыванием своих полок. Высокий дородный мужчина лет пятидесяти с редующими волосами непонятного цвета и светлыми глазами – таким он был всегда, даже когда меня мальчишкой отец посылал сюда за чем-нибудь. Прошло двадцать лет, а он почти такой же.

Дверь звякнула колокольчиком, и Ридли обернулся.

– Ни дать, ни взять, Джейсон Кларк собственной персоной, – проговорил он, улыбаясь. – Проходи, мой мальчик, как поживаешь?

– Спасибо, Ридли, – ответил я, – все замечательно. Вот выдалось несколько деньков, решил приехать.

Ридли уже выуживал из-под прилавка две кружки и приговаривал:

– И правильно, и правильно. Я заметил, что свободных деньков у тебя становится все больше, а промежутки между ними – все короче. Это замечательно, если только... у тебя все хорошо с работой-то?

В этом все они – деревенские жители, очень беспокойные насчет работы, заработка. Донован заметил, что я стал приезжать чаще и оставаться подольше, чем раньше, и забеспокоился, а ну как столько свободного времени означает меньше работы, а значит и меньше заработка. Я несколько раз объяснял ему специфику своей работы, да он все время за-

бывал.

– Лучше всех, Ридли. Просто сейчас такое время, – уклончиво ответил я.

– Вроде как поднапрягся, повкалывал, а теперь можно и отдохнуть?

– Точно.

Ридли подвинул один бокал мне, другой схватил сам. Я сделал глубокий глоток. Приятно.

– Ну, Ридли, рассказывай, что у вас тут интересного происходит?

Донован вначале покачал головой, но потом словно что-то вспомнил и ответил:

– В пятницу умерла миссис Майлз. Представляешь?

Миссис Майлз было лет пятьдесят, у нее были сын и дочь, которые жили и работали в Филадельфии, иногда навещались к ней в гости. Мистер Майлз пропал лет десять назад, может, чуть больше, тогда, помню, его так и не нашли, в результате чего все решили, что он просто сбежал куда подальше. Впрочем, у всех это вызывало только недоумение, потому что миссис Майлз была женщиной милой, уравновешенной, этакой добропорядочной домохозяйкой. Что, впрочем, не мешало ей владеть и управлять небольшой кондитерской. Насколько я помнил, эта кондитерская была нечто вроде семейного бизнеса – отец рассказывал, что когда семья Райли здесь осела, они открыли кондитерскую. Тогда Марты Райли еще даже не было, она родилась уже здесь, так и прожи-

ла всю жизнь на одном месте, а позже вышла замуж и стала Мартой Майлз. Иногда я покупал у нее что-нибудь сладкое, особенно, когда родители были живы, но толком ее не знал.

– От чего? – поинтересовался я.

Ридли пожал плечами.

– Никто толком не знает, Джей. Накануне она говорила, что должны приехать дети, очень радовалась этому, надела кучу покупок у Доггерти, вернулась домой, легла спать и не проснулась. Дети приехали как раз на следующий день и нашли ее мертвой, представляешь?

Действительно, ужасная история, подумал я. Для маленького городишка, вроде нашего, такое – настоящее событие. Представляю, сколько было пересудов. Но Донован, оказывается, рассказал еще не все.

– Врач хотел сделать вскрытие, и дети согласились, – продолжал он.

А это действительно, странно. Человек может умереть от чего угодно, и ничего сомнительного в этом нет. Значит, врача что-то смутило.

– Это еще зачем? – спросил я.

Донован взял мой пустой бокал и, наполнив его, вернул мне.

– Странная история, Джей. Доктор Стивенс говорит, что у миссис Майлз были все симптомы остановки сердца, но с одним исключением. Она говорит, лицо у нее было... ну, как сказать, ну, просто жуть какая-то. Перекошенное, что ли.

Ну, скажи, кому приспичит гримасничать перед смертью? Вот он и заподозрил отравление, либо удар током. Сделали вскрытие, ничего подобного не нашли – остановка сердца и никаких признаков внешнего воздействия. Док так сказал. Вот так, дружок. Живешь тут, планируешь что-то, а решишь вздремнуть и проснешься с ангелами. Или с чертями, – добавил он и громко захохотал собственной шутке.

– А что Стивенс решил все-таки насчет выражения лица покойной?

Донован пожал плечами.

– Да ничего. Тут же все ясно, вот и не стали думать дальше. – Он наполнил свой бокал и облокотился на стойку. – Джей, я рад, что ты приехал.

– Я тоже.

– Жаль, что скоро опять уедешь.

Я немного помолчал.

– Ну ладно, Ридли, я, пожалуй, пойду. – Я попытался заплатить за пиво, но Ридли категорически отказался:

– Сегодня ты мой гость.

– Пойду устраиваться, – сказал я и направился к двери.

Донован всегда отличался приятными манерами и добрым отношением и ко мне, и к моей семье. И мне захотелось его немного порадовать. Я обернулся на полпути: – Возможно, что уеду я не скоро. Здесь чертовски хорошо.

Донован кивнул и вернулся к своим делам.

Макферс

Я отпер дверь и вошел в дом. Большая прихожая вместе с кухней занимала всю переднюю часть дома. Я прошел на кухню и разложил покупки на столе. Чуть позже приготовлю себе обед. Мне захотелось взглянуть на сад на заднем дворе, и я пересек кухню и вышел во двор. Из дома вела узкая тропинка, и я обратил внимание, что она начинает зарастать травой. Завтра я наведу здесь порядок. Вон и калитка в конце двора перекосилась. А сегодня посмотрю-ка, что не так в самом доме. Помню, в прошлый раз здесь барахлила электропроводка в погребе, и не работал кондиционер.

Меня охватило какое-то мальчишеское озорство. Хотелось выйти на улицу, пойти куда-нибудь, болтать со старыми знакомыми, опять наведаться к Доновану, вернуться домой, когда стемнеет, вынести во двор кресло и смотреть на звезды.

Вдруг раздался звонок мобильного. Эмили.

– Привет, дорогой, ты где? – Ее голос доносился близко, и мне стало легко и уютно.

– В Ланкастере. Ну, точнее, здесь, в Престоне, в доме родителей.

Она засмеялась.

– А-а, уже добрался? Ну и как?

– Жаль, что ты не приехала, – ответил я. – Когда сможешь

вырваться?

– Не знаю, Джей. Честно, не знаю. Может, в конце недели, и то только на выходные.

Хотя это не было для меня открытием, потому как знал, что у Эмили ее работа, ее так называемые очередные гениальные художники, которых она не может бросить на произвол судьбы, тем не менее, мне стало грустно. А может, вернуться в город? Нет, своим отсутствием я смогу убедить ее приехать лучше любых доводов.

– Это плохо, Эм. Но ты постарайся. Я знаю, без тебя мне будет одиноко.

Эмили вновь рассмеялась.

– А ты бросай свою деревню и возвращайся.

– Пойми, Эм, мне здесь хорошо. Но с тобой будет еще лучше. И к тому же я только приехал.

– Ладно-ладно, не заводись. Постараюсь приехать. Скрасить твое одиночество.

Я положил телефон на кресло и направился на кухню заниматься обедом. Когда я бывал один, я любил побаловать себя чем-нибудь таким, поэтому заранее набрал продуктов и принялся готовить. У меня получился неплохой эскалоп, который вместе с телевизором скрасил самую жаркую часть суток. Где-то около шести вечера я вышел из дома и направился в кабачок к Доновану, но по пути хотел заглянуть к Нилу Карверу, своему сверстнику, который так и не уехал, как другая молодежь в город, а остался здесь. Правда, делал

это он вполне с пользой для себя. У него оказались неплохие литературные способности, и после долгих попыток он стал писать небольшие повести и рассказы, которые публиковал сразу в нескольких издательствах в Филадельфии. Я несколько раз пытался читать его писанину, но меня никогда не прельщали мелодраматичные сюжеты. На его счастье, любителей такого чтения было предостаточно, и Нил далеко не бедствовал. У него был неброский, но большой двухэтажный дом, жена и замечательный сын семи лет. На меня он смотрел, как на неустроившегося в жизни, хотя зарабатывал я раз в пять больше него и мог позволить себе жить на широкую ногу. Но Нил считал, что все горожане – непутевые, и я такой же.

Дверь мне открыла Сюзан, жена Нила, высокая стройная привлекательная женщина, тут же заулыбалась и провела в дом.

– Нил сейчас во дворе, занимается с Тоби, – сказала она.

Он действительно сидел на задней веранде в обществе своего сына и наставительно что-то читал из детской книжки.

– Дядя Джей приехал! – крикнул Тоби и кинулся ко мне. Его отец тоже поднялся и пошел мне навстречу. Мы сердечно обнялись. Не сказать, что мы были близкими друзьями, но Нил был одним из тех, с кем мне действительно было интересно и уютно, и я этого не скрывал. А Нил, хоть и внешне казался замкнутым и строгим, на самом деле был душевным

и добрым парнем.

– Мы слышали, что ты приехал, Джей, – проговорил он, приглашая меня сесть. – Я как раз собирался вечером к тебе заглянуть. А ты меня опередил. Тоби, перемена, пойді побегай.

– Потом поиграем в прятки, ладно? – сказал я и обернулся к Карверу: – Рад тебя видеть, Нил. Как поживаешь? Все строчишь свои мыльные оперы?

Он налил мне из графина апельсинового сока и протянул стакан в мою сторону.

– Хватай. Знаешь, ты прав – именно мыльные оперы. Месяц назад мне заказали сценарий для телевизионного сериала. Представляешь?

– Это хорошо или плохо? – осведомился я.

– Это замечательно! Так сказать, шаг вперед. Обещает замечательные перспективы.

Я был искренне рад за него.

– Поздравляю, Нил. Ты всегда был таким, не терял оптимизма даже, когда было совсем ни к черту.

– Это верно, – кивнул он. – Пей. Прекрасно освежает. Потом махнем к Ридли, опрокинем по стаканчику, а?

– С удовольствием.

– Ну, рассказывай, как дела? Прoшлый раз ты говорил, что собираешься продать фирму. Сейчас вот приехал один. Это как, временный отпуск от дел или...

– Или. Я действительно продал долю в фирме, Нил, и ни

капли не жалею.

Нил немного помолчал, потом кивнул.

– Тебе виднее, Джей. Значит, так надо.

– Верно. Ну да ладно, не будем об этом, – я махнул рукой и посмотрел куда-то вдаль.

Неужели мне грустно? Нет, нет! Это просто зависть, белая зависть холостяка, находящегося в гостях женатого друга. Но мне нет повода грустить – у меня есть Эмили. Разве нет?

– Не будем. Хотя погоди. Если бросил бизнес, значит, остался без работы? Или теперь сам по себе?

– Пока не знаю. Но скажу тебе, Нил, я и здесь намерен завязать.

Карвер вскинул на меня резкий взгляд.

– Это еще почему?

– Скажу тебе по секрету, Нил, что моя работа – это вроде как игра в казино. Несколько раз за последние два-три года мне крупно повезло, я заработал кучу денег, причем, практически не вкладывая своих. Это означает, что теперь мне пока нужно остановиться. Иначе, проиграю.

– И что планируешь делать? – спросил он.

Я пожал плечами.

– Конкретно пока не думал, но думаю, что немножко отдохну, а потом переквалифицируюсь из брокера и дилера в инвестора.

Карвер покачал головой.

– Я знаю тебя давно, Джей, – проговорил он. – Ты очень деятельный человек, всегда таким был и таким останешься. Мне почему-то сомнительно, что ты удовлетворишься ролью пассивного рантье.

– Поживем-увидим.

В этот момент на веранду вбежал Тоби и требовательно закричал:

– Дядя Джей! Вы обещали поиграть в прятки.

Я хотел было ответить что-нибудь в свое оправдание, но меня опередил Нил:

– Завтра, Тоби, завтра. Дядя Джей, да и я с ним поиграем с тобой завтра, а сейчас нам пора идти по делам.

– Папа, – сказал Тоби, лукаво улыбаясь, – какие дела вечером? Ты меня дуришь. Ну ладно, завтра я от вас не отстаю. – С этими словами он умчался обратно в сад.

Нил повернулся ко мне:

– Ну что, махнем к Ридли? Там сейчас, наверное, все наши собрались.

Я поднялся и только повернулся к двери, как раздался телефонный звонок. Нил, не оборачиваясь, крикнул Сюзан, чтобы она сняла трубку. Трезвон прекратился, и послышалось, как она вполголоса с кем-то разговаривает. Потом выглянула на веранду и сказала Нилу, что его зовут к телефону. Выглядела она при этом очень странно, глаза расширены, если бы у нее не был вид мягкой домохозяйки, я бы решил, что она сильно напугана и озадачена.

– Кому еще я понадобился? Сказала бы, что я уже ушел. Я действительно ухожу с Джемом к Доновану.

– Это Дэвид, и он ужасно напуган. Бормочет что-то странное, не могу понять, – Сьюзан и сама была немного не в себе. Она всегда все принимала близко к сердцу.

– Дэвид? Странно, что ему нужно, – пробормотал Нил на ходу, направляясь на кухню, где стоял телефон.

Я повернулся к Сьюзан и спросил, кто такой Дэвид.

– Дэвид? – переспросила она, растерянно оглядываясь. – Это внук мистера Макферса, нашего соседа. Он живет вместе с дедом. Ему одиннадцать, но он совершенно как взрослый.

Теперь я вспомнил. Мистер Макферс, солидный и крепкий старик лет шестидесяти, жил один с внуком. У него была дочь, но рано умерла то ли от рака, то ли от лейкемии, что, впрочем, одно и то же, жена умерла еще до этого, и у него остался только внук. Как я слышал, отец Дэвида несколько раз навещался сюда, но только с одной целью – выманить у Макферса денег. Получив в последний раз от ворот поворот, он пропал в неизвестном направлении, чему и Макферс, да и Дэвид, наверняка, были безмерно рады. Макферс всецело посвятил себя воспитанию своего внука, оплачивал его обучение в одной из лучших здешних школ.

– Зайдем к Макферсу, хорошо? – спросил Нил, внезапно появившись на веранде. – Дэвид говорит, что не может раз-

будить деда. Сюзан, ты присмотри за Тоби, он здесь где-то в прятки играет. Не знаю, правда, с кем.

Мы вышли на улицу, прошлись немного и свернули к дому Макферса – приземистому, широкому строению с фасадом в стиле готических портиков. Уже стемнело, и у входа в дом и на ограде горели фонари. Мы подошли к воротам, прошли дальше и увидели, что на крыльце сидит мальчик, подперев подбородок ладонями. Услышав наши шаги, он вскочил и кинулся в нашу сторону.

– Мистер Карвер, – закричал он, вцепившись в Нила, – это вы. Дедушка прилег после обеда, сказал, что немного поспит. Прошло уже столько времени, я стал его будить, и не могу, – он всхлипнул. Чувствовалось, что он еле держится, чтобы не заплакать. Нил обнял его за плечи и сказал, что все в порядке, сейчас пойдем и посмотрим, в чем дело. Потом он взглянул на меня с неммым вопросом. Я пожал плечами, как бы говоря, что ничего не понимаю. Может, мальчонка что-то напутал, может, Макферс малость перебрал, а, может, хлебнул снотворного. Хотя кто бы стал делать это среди бела дня?

Мы вошли в дом и прошли в дальнюю комнату. Это была не спальня, а его кабинет. Здесь помимо прочего был небольшой диванчик, на котором лежал Макферс, и надо признать, я почему-то сразу понял, что он мертв. Жуткое понимание, даже не знаю, откуда оно пришло, но я был почти уверен в этом. То ли поза была неестественная, то ли в теле чувство-

валась неявная скованность, присущая трупам – не знаю. Но главное – его лицо. Оно было перекошено, словно застыла последняя, предсмертная гримаса. Я толкнул Нила локтем, пусть он взглянет первым. Однако, судя по всему, и ему было все понятно.

Нил обернулся ко мне и попросил:

– Джей, ты не проводишь Дэвида на улицу, пусть он пойдет к нам. – А самому мальчику добавил: – Скажешь тете Сьюзан, что я тебя послал, чтобы ты сегодня переночевал у нас. Ладно?

Мальчик кивнул и, схватив меня за руку, потянул на улицу. Когда мы вышли за ворота, я повернулся к Дэвиду и спросил, найдет ли он дом Карвера.

– Конечно, – кинул он мне и побежал в нужную сторону.

Я вернулся в кабинет Макферса. Нил сидел за столом и набирал по телефону номер. Я подошел к Макферсу и хотел проверить пульс на руке и шее, так на всякий случай, но голос Нила меня остановил:

– Не трудись. Как мне кажется, он умер несколько часов назад. – Тут по телефону ему ответили, и он громко произнес: – Джим? Джим Стивенс? Это Нил Карвер говорит. Я тебя не оторвал, надеюсь. Слушай сюда, Джим. Я сейчас в доме Макферса, он мертв. Ты бы приехал сюда как можно раньше. Что? Не знаю, Джим, похоже, просто умер. Да, предупреди полицию, хорошо? Ну, все, жду.

Нам оставалось только ждать. Пока мы это делали, я

оглядывал кабинет Макферса. Небольшая уютная комната, уставленная книжными шкафами, в середине – стол с креслами – этакий кабинет частного юриста. Впрочем, Макферс до ухода на покой и был юристом – специалистом по корпоративному праву. Помню, он несколько раз консультировался у меня по поводу некоторых аспектов дивидендной политики и защиты прав миноритариев. Толковый был человек, деловой, умный, хваткий. Даже уйдя на пенсию, все время оставался знатоком своего дела – к нему часто приватно обращались за советом.

– Он когда-нибудь жаловался на сердце? – спросил я Нила. Но тот только пожал плечами.

– Макферс не был особо откровенным человеком, хоть мы и почти соседи. Приветливый – да, но не более того. Но если бы у него были бы проблемы с сердцем, приступы или что-нибудь в этом роде, об этом бы стало известно.

– Что у него с лицом? – произнес я. Я не спрашивал – откуда Нилу это знать, а так, думал вслух.

– Лицевой паралич, – ответил он. – Больше нечему. Такое бывает.

Я покачал головой.

– Сразу у обоих? Ридли болтал, что у миссис Майлз тоже было лицо с гримасой, как он выразился.

Нил не успел ответить. В этот момент мы услышали, как распахнулась входная дверь, и через несколько секунд в комнату ворвался молодой совсем человек в костюме-тройке,

шляпе с короткими полями и с чемоданчиком-саквояжем – казалось, что он сошел со страниц книг начала прошлого века, такой у него был старомодный вид. Это был Стивенс, местный врач и одновременно коронер.

Мы с Нилом поднялись навстречу доктору Стивенсу. Он бегло глянул на меня, потом перевел взгляд на Карвера. Тот поспешил нас познакомить. Стивенса мало заинтересовала моя персона, он присел к дивану и раскрыл саквояж.

– Когда вы его нашли? – спросил он тем же беглым тоном, каким был его взгляд.

– Минут двадцать назад, – ответил Нил. – Мы к Ридли Доновану собирались, а тут Дэвид звонит. Говорит, что деда, мол, добудиться не может. Ну, мы сюда и кинулись. Смотрим, а он лежит. Что с ним, Джим?

Стивенс поднял голову и пристально посмотрел на нас снизу вверх.

– Похоже, сердечный приступ. Нужно поговорить с Дэвидом, не жаловался ли дед на что-то, прежде чем лечь. Хотя это ничего не значит – человек может ни на что не жаловаться, лечь и не проснуться.

– Как миссис Майлз? – спросил я.

– Как миссис Майлз, – кивнул врач, задумчиво глянув на меня. Потом он стал собирать обратно в саквояж все, что успел из него достать. – Ну, мне ему уже не помочь. Я звонил шерифу Флойду, думаю, он вот-вот подъедет.

– Вы обратили внимание на его лицо? – спросил я.

Доктор поднялся и пересел на стул.

– Такое трудно не заметить...

– Особенно второй раз за неделю, – добавил я.

Стивенс пристально посмотрел на меня.

– Именно поэтому это довольно странно. Хотя и следов насилия вроде нет, полиции стоит этим заняться.

Словно в ответ на его слова, с улицы послышался шум подъехавшего автомобиля, хлопнула дверца, вторая, и через минуту в комнату вошли двое мужчин – один в штатском, другой – в форме полицейского.

Стивенс захлопнул саквояж и поднялся.

– Что произошло, Джим? – спросил тот, что был в штатском. Я знал его – это был шериф Флойд, немолодой уже крепкий человек с живым лицом и светлыми глазами. Он обернулся ко мне: – Привет, мистер Джей, слышал, вы приехали. Как поживаете?

– Да, вообще-то неплохо, – ответил я, потом опустил глаза на лежавшего на диване Макферса и добавил: – Вот только не успел приехать, а тут такое.

– Бывает, – кинул Флойд в ответ. – Так что с ним, Джим? Тот пожал плечами.

– На первый взгляд, сердечный приступ. Следов насилия нет, следов уколов тоже не имеется. Но вот лицо...

Флойд опустился на одно колено и стал внимательно рассматривать труп. Потом поднялся и вновь обратился к Стивенсу:

– Он жаловался на сердце?

– Мне – никогда.

Флойд потер подбородок. Потом обернулся к полицейскому:

– Вызови из машины карету и поставь заслон. Скоро об этом станет известно, сбегутся любопытные. Странно, все это, странно, Джим, ты не находишь? Сначала миссис Майлз, теперь Макферс – крепкие, еще не старые, что происходит?

– Думаешь, стоит сделать вскрытие? – спросил Стивенс.

– Непременно. В первую очередь следует проверить на химикаты и электрошок. Поедешь с нами в управление, хорошо?

Стивенс с готовностью кивнул головой. Карвер потер руки и обратился к шерифу:

– Мистер Флойд, если мы больше не нужны, мы пойдем, а то там Сьюзан одна.

– Конечно-конечно, – согласился Флойд. – Если что понадобится, я к вам загляну. Да, а где Дэвид?

– Я отправил его к нам, – ответил Нил. – Пусть пока побудет у нас.

– Правильно. Я наведу справки насчет родственников. Ну, хорошо, счастливо, ребята.

Мы медленно двинулись в сторону дома Карвера. К Доновану уже никто из нас не собирался, на душе было паршиво. Смерть всегда вещь неприятная, даже когда затрагивает

кого-то чужого, а когда сталкиваешься с ней вот так лицом к лицу, становится и вовсе не по себе.

Когда мы подошли к дому, я извинился перед Нилом, что не буду заходить, а сразу пойду к себе.

– Не обижаешься?

– Да брось ты! Завтра жду тебя у себя.

Я медленно двинулся по улице в сторону своего дома. Вид Макферса, так по-обыденному лежавшего на диване, так и стоял перед моими глазами. Я никогда не считал себя чересчур чувствительным человеком, некоторые даже могли считать меня черствым, но здесь, в деревне, почему-то все было по-другому. И люди другие, и воздух иной, и отношение ко всему меняется. То, что в обычной, привычной мне, жизни казалось чем-то далеким, не относящимся ко мне, здесь буквально захватывало без остатка. Миссис Майлз я видел всего несколько раз, и лишь однажды разговаривал с ней – на похоронах моих родителей. В городе мне было бы абсолютно безразлично, умерла она или нет, и от чего умерла. А здесь она казалась почти родной. Странное ощущение. Мне еще предстояло с ним свыкнуться, если я намеревался здесь жить.

После скромного ужина я вышел на веранду, захватив бутылку виски, стакан и лед. Откуда-то издали доносился неясный шум – это городок жил своей вечерней жизнью, люди ходили друг к другу в гости, кто-то направлялся в бар отдохнуть после рабочего дня или просто пообщаться со зна-

комыми, женщины выходили подмести дворики и застревали часами, сплетничая и обсуждая события, которые часто их вообще не касались, дети бегали по улицам взад-вперед, норовя подольше не попадаться на глаза своим мамашам, чтобы не позвали домой. Тихая, спокойная, незамысловатая жизнь текла себе своим чередом.

Зазвенел мобильный, и мы недолго поговорили с Эмили. Она все еще подшучивала над моим приездом в провинцию, но уже не так, как раньше – видимо, начинает постепенно свыкаться с мыслью, что это не просто блажь на меня нашла, а мне действительно здесь хорошо. Между делом я рассказал ей про два непонятных сердечных приступа, она сочувственно поцокала языком и пожелала мне всего хорошего, пообещав приехать как можно раньше.

Я плеснул себе еще порцию виски, бросил в стакан два кубика льда и отпил глоток. Делать ничего не хотелось, спать тоже, и я стал планировать завтрашний день. Часы, стоявшие в холле, пробили десять вечера, когда я услышал, как скрипнула боковая калитка, и послышались негромкие шаги. Еще несколько шагов, и из-за угла дома показалась неясная фигура.

– Я не помешаю, Джей? – спросил низкий мужской голос. Я сразу узнал его. Этот голос принадлежал Элу Филандеру, здешнему банкиру, если можно назвать таковым управляющего крошечным отделением филиладельфийского банка со штатом в два человека и занимающегося исключительно

выдачей пособий и денежными переводами. Филандер был крепкий мужчина сорока пяти лет с темными коротко стриженными волосами. Он некоторое время проработал в Филадельфии, в головном офисе банка, но городская жизнь ему не нравилась, и когда банк открыл здесь свое отделение, тут же постарался устроиться сюда. Я даже подозревал, что Филандер приложил руку к идее открыть здесь отделение. Филандер был одним из тех, с которым я старался сталкиваться меньше всего, когда приезжал к родителям, так как он постоянно пытался заговаривать на банковские и финансовые темы – как раз то, от чего я пытался отдохнуть.

– Вовсе нет, – ответил я и встал. Веранда была неярко освещена, и когда Филандер поднялся на нее, я увидел, что он неважно выглядит. – Садись. Я сейчас принесу стакан, – Он был значительно старше меня, но мы всегда были на «ты», сколько себя помню.

Филандер протянул мне руку.

– Не откажусь. Рад тебя видеть. Но я точно не помешал?

Я махнул рукой и направился на кухню. Когда я вернулся, Филандер сидел в плетеном кресле, разглядывал бутылку виски и как-то странно мялся. Он был из тех людей, которым скрывать свои эмоции удавалось с обратным результатом – любое его движение выдавало волнение, радость или возбуждение лучше всего именно тогда, когда он пытался это скрыть.

Поэтому я молча плеснул виски со льдом и протянул ему

стакан. Если он пришел опять поговорить на ночь глядя о техническом анализе и о котировках акций я вежливо провожу его вон. Как оказалось, угнетало его совсем иное. Потому он и казался таким озабоченным.

– Ну, как обстоят дела, Эл? – спросил я, чтобы завязать разговор. – Еще не надумал вернуться в город?

Филандер выпил виски наполовину, взглядом знатока посмотрел на оставшееся в стакане и довольно кивнул.

– Замечательный виски. Теперь кругом только зерновой, а у тебя солодовый – просто прелесть. А что касается твоего вопроса, то нет, в город не собираюсь. А зачем? Здесь у меня два работника и полная свобода. А там? Никакой свободы и постоянная борьба за занимаемое место. К черту! Ну, а ты?

– В смысле?

Филандер махнул рукой.

– Ладно тебе. Ридли мне проболтался, что ты не просто приехал, а хочешь остаться надолго. Это правда?

– Не знаю пока. Может быть.

– Но я пришел не для того, чтобы задавать тебе эти вопросы.

Я пристально посмотрел на него. Меня это не удивило – простой разговор насчет обычных дел не привел бы Филандера в такое смятение.

– Говори, Эл, – сказал я. – Что-то случилось?

Филандер еще немного помялся, потом поднял глаза и произнес:

– Нил рассказал, что ты был сегодня, когда нашли Макферса. Это так?

Я кивнул.

– Не просто был, когда нашли. Это я с Нилом Карвером его нашли. Точнее, внук Макферса вызвал нас, потому что не мог его добудиться.

– Неважно. Ты мне скажи, а что доктор Стивенс сказал по поводу смерти Макферса? – Филандер продолжал постепенно подходить к основной теме разговора.

– Сердечный приступ, – ответил я. А потом добавил: – Но Стивенс с Флойдом все-таки решили провести вскрытие. Слишком уж неожиданная смерть. Разумеется, никто не подозревает Дэвида, но он всего лишь ребенок, мог ненадолго выйти... Ну ты понимаешь. Макферс был богатым человеком, я бы посоветовал полиции покопаться в его родственниках и окружении. Деловом окружении. Или бывшего зятя потрянуть.

– Налей-ка мне еще, если можно, Джей, – попросил Филандер. Я исполнил его просьбу, после чего Эл, немного помявшись, продолжил: – Дэвид тут ни при чем. И никто другой тоже. Тут что-то другое, Джей. Подумай сам.

Я посмотрел на него – мне было неясно, то ли он действительно что-то знает насчет смертей, то ли просто хочет почесать языком.

– Эл, я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

Филандер покачал головой.

– Два еще не совсем старых человека внезапно умирают от сердечного приступа. Тебе это не кажется странным?

– И не только мне, – сказал я, умолчав про выражение лица Макферса, иначе Филандер и за это уцепится. – Я ведь уже сказал, что шериф Флойд и доктор Стивенс хотят произвести вскрытие тела Макферса. Значит, и у них возникли подозрения.

– Ага. Только они, возможно, подозревают банальное преступление, а здесь все не так просто, – Филандер склонился прямо к моему лицу, и мне стало не по себе. Более того, мне он стал надоедать. Я не люблю пустопорожнюю болтовню на темы, о которых не имею никакого представления. Поэтому я намекнул Филандеру, что если ему есть что сказать конкретного, то пусть говорит, а еще лучше – пусть скажет это Флойду, а если нет, то пусть катится к черту.

– Я уже говорил с шерифом, Джей. Я посоветовал ему покопаться в прошлом обоих, потому что мне ясно, что они натворили что-то такое, за что теперь их постигла кара. Есть такие сферы, где бессильны человеческие познания.

Ну, вот и договорились до религии, дальше на очереди мистика и все такое прочее. Этого я уже выносить не хотел.

– Знаешь, Эл, тебе лучше заниматься своими делами. Я тоже верю в Бога, но, видимо, недостаточно, чтобы поверить в некую карающую силу, из-за которой человек может просто так вот взять и умереть.

Филандер не был обескуражен, но и обрадованным он то-

же не выглядел. Он стал сильно тереть нос своими длинными тонкими пальцами, потом словно очнулся и горячо заговорил:

– Джей, я вовсе не хочу сказать, что знаю это точно. Точнее говоря, э-э... почти знаю, что это так.

– С чего это ты взял? Ты что-то знаешь, почему они умерли?

– Ничего я такого не знаю. Но мне достаточно того, что я знаю, отчего они МОГЛИ умереть. И... я, пожалуй, кое-что знаю. Хотя, нет, не будем об этом. И вообще, я не говорил о Боге.

Выслушав эту бессвязную речь, я понял, что говорить дальше было бесполезно. Где-то вдаль завыл шакал, его вой подхватил второй, третий. Я подумал, что пора на боковую.

– И что тебе ответил Флойд?

Филандер махнул рукой и поднялся. Неужели желание от него избавиться было столь явно написано на моем лице?

– Сказал, что обязательно проверит, но, скорее, поверит в двойное убийство, нежели во что-то другое. Ладно, я пошел, Джей. Спокойной ночи. Увидимся.

Он ушел, ярко освещенный взошедшей луной. А я еще долго сидел на веранде, думая то о миссис Майлз и Макферсе, то об Эмили и наших отношениях, то о своем будущем. Так и не придя ни к чему конкретному ни по одному пункту, я отправился спать.

Карвер

На следующее утро я проснулся необычайно поздно то ли от выпитого накануне, то ли от того, что предыдущей ночью в мотеле плохо спал. Я потопал на кухню, приготовил себе завтрак, заварил кофе. После завтрака я подумал, чем был заняться, и решил, что сегодняшней день посвящу хозяйственным делам. Если Эмили сдержит свое обещание и придет на выходные, то нужно к этому подготовиться – в саду многое разболталось, дома тоже есть что подправить. Вывалив необходимые, а точнее говоря, все имевшиеся в наличии инструменты из подсобки, я принялся по очереди ремонтировать те мелочи, которые требовали этого из-за пусть и недолгого отсутствия хозяйской руки. Отец погиб два года назад, и после этого я, хоть и приезжал сюда, как мог чаще, но ремонтом никогда не занимался.

Я трудился во дворе до самой середины дня, после чего приготовил себе незатейливый обед и перекусил прямо на веранде. Надо бы позвонить Эмили, подумал я, но решил отложить это на вечер – днем она практически всегда бывает занята, часто не берет мобильный, что меня злит и даже бесит до такой степени, что я выхожу из себя. Позвоню после семи, решил я и вернулся к своим делам.

Где-то около четырех на пороге показался Нил Карвер. Я совершенно забыл о своем обещании зайти к нему сегодня.

Впрочем, если бы он не зашел, возможно, что к вечеру я бы об этом вспомнил. Мы ведь договорились пойти с ним к Доновану, но так и не сходили. Однако взгляд мельком на Нила говорил о том, что ему не до посиделок в баре. Он был бледен и выглядел так, словно произошло нечто ужасное. Я решил, что это связано либо с Дэвидом, который оставался у них пожить, пока все не образуется, либо с итогами ночного расследования по смерти Макферса. Поэтому я после приветствия спросил его:

– Есть новости насчет вчерашнего?

Нил очень странно посмотрел на меня и ответил, что узнал от Стивенса по секрету, что вскрытие ничего не дало. А потом добавил:

– Но это не самое страшное?

Его голос меня насторожил. Если Карвер пришел в такое смятение, значит, действительно, произошло что-то из ряда вон выходящее.

– В чем дело? Говори, Нил.

– Умерла миссис Донован.

– Как?! – Ахнул я.

– Очень просто, – горестно проговорил Вудс. – Даже чересчур просто. Точно так же, как миссис Майлз и мистер Макферс. Легла вечером спать, а под утро Ридли обнаруживает, что рядом лежит труп. Вот так.

Когда Нил говорил мне это, я стоял на веранде, а он оставался внизу, на тропинке от ворот к дому. Я сделал два ша-

га вперед и сел прямо на ступеньку веранды. Такое сразу и не переваришь. Три смерти меньше чем за одну неделю в маленьком городке, где автомобильная катастрофа, в которой погибли мои родители, стала самым значительным событием за последние лет десять, если не больше. У меня возникло ощущение, что наш городок вот-вот начнет будоражить. Я встряхнул головой и сказал, что нужно пойти к Доновану. Но Нил покачал головой.

– Его нет. Он уехал в Ланкастер вместе с Флloydом и Стивенсом. У доктора возникла идея, что у нас появилась неизвестная инфекция, убивающая людей таким вот образом. Джим сообщил кому-то в инфекционном центре в Ланкастере, и тело повезли туда. Макферса, кстати, тоже. Боятся, что может вспыхнуть эпидемия.

Карвер еще несколько минут побыл у меня и ушел. Я остался сидеть на ступеньках. Если честно, то я ничего не понимал. Все трое умерших были хоть и немолоды, но практически совершенно здоровы и могли прожить еще каждый лет двадцать, тем более, если принять во внимание их размеренный, спокойный образ жизни. Пока наиболее реальное объяснение высказал Стивенс, предположивший, что мы имеем дело с инфекционной эпидемией. Однако почему тогда никаких признаков этого обнаружить не получается?

Зазвонил телефон. Я устало поднялся и прошел в комнату. Обычно наш разговор с Эмили особо не затягивался, но в этот раз мы проговорили достаточно долго, потому что

я подробно рассказал ей обо всем, что у нас здесь происходит. Она внимательно слушала, потом сказала, чтобы я был поосторожней.

– А еще лучше будет, если ты уедешь оттуда, – добавила она. – Хотя бы пока все утрясется.

Вот в этот момент я особенно остро почувствовал, насколько наш городок, люди, его населяющие, окружающие меня дома, улицы, речка, протекающая неподалеку, на которой я еще планировал порыбачить, мне близки. Отъезд, особенно в такой момент, когда люди, возможно, вот-вот начнут беспокойно задавать друг другу безответные вопросы, казался мне дезертирством. Я могу уехать, а они – нет. А значит, и мне нельзя этого делать. Наоборот, я должен остаться, я должен помочь разобраться, если вообще есть в чем разобраться. Я приехал лишь вчера, а казалось, что с моего приезда прошло несколько месяцев – насколько все, отношение людей, быт, настроение были легки и естественны.

– Прости, Эм, но я не могу, – сказал я. – Не могу уехать. Да и не хочу. Единственное, о чем жалею – что ты не рядом.

– Джей, ты ненормальный, и за это я тебя люблю еще сильнее, – серьезным тоном ответила Эмили и добавила: – И все равно, будь, пожалуйста, поосторожней.

Я пообещал, и мы попрощались. Я бесцельно поклонялся по дому еще довольно долго, потом выглянул в окно. Мне не хотелось сидеть дома, к тому же я не знал, что творится в городе. Несмотря на то, что Нил не приглашал меня сего-

дня зайти, я решил, что схожу прежде всего именно к нему – во-первых, порасспрашиваю Дэвида, и во-вторых, Сьюзан, наверняка, в курсе последних новостей. Если таковые есть.

Дверь мне открыл Тоби. Выглядел он подавленным и даже не заикнулся насчет моего вчерашнего обещания поиграть в прятки.

– Папа в комнате, а мамы нету, – сказал он, впуская меня в дом. Он сразу же убежал куда-то, предоставив мне самому пройти и искать Карвера. Тот сидел в гостиной в полном одиночестве. Увидев меня, он жестом пригласил меня сесть в кресло, затем поднялся и пошел на кухню. Через несколько минут принес две чашки кофе на маленьком подносе. Я заметил еще вазочку с крошечными пирожными или печеньем. Карверы всегда отличались гостеприимством, подобное было выработано у них почти до автоматизма.

– Можешь добавить сахар, а мне и так сойдет, – пояснил он. Отпил большой глоток и добавил, глядя куда-то в сторону: – Извини, что сегодня не пригласил тебя зайти к нам – не подумал. Хорошо, что ты зашел. Сью пошла к Донованам, помочь девочкам.

У Ридли было две дочери меньше двадцати лет, и раз он уехал в город, то все оставалось на них, а миссис Карвер была не из тех, кто оставалась в стороне в таких ситуациях.

Я сел, но пить кофе не стал. Почему-то не хотелось.

– Нил, ты что-нибудь понимаешь? – спросил я.

Он покачал головой.

– Всем не по себе, никто ничего не знает и не понимает. И я тоже. Я хотел поговорить с девочками Ридли, но они совершенно невменяемые, повторяют одно и то же, что мама была здорова, что она завтра собиралась поехать в Ланкастер, что... А-а, да ладно. Был человек – и нет человека.

– Было три человека – и нет трех человек, – поправил я.

Нил посмотрел на меня, словно видел впервые в жизни, и нервно отхлебнул.

– Это ты верно заметил.

– Слушай, а Флойд что говорит? В конце концов, полиция не может оставаться в стороне от всего этого – слишком все странно.

– Ничего он не говорит. По крайней мере, я не курсе. Я знаю, что он сообщил о случившемся властям штата, но тут ведь вот что интересно: следов насилия нет, признаков отравления или чего-то в этом роде нет, причин для расследования по факту тоже нет.

– Чушь какая-то! Ведь должна быть причина, по которой три вполне здоровых человека вдруг «получили» по сердечному приступу.

Нил рассеянно кивнул.

– Может, она и есть, только мы не знаем. И возможно, что не узнаем.

Я встал. Мне хотелось поговорить с внуком Макферса.

– Ты посиди пока здесь, ладно? Я сейчас.

Дэвида я нашел вместе с Тоби на заднем дворе. Они без-

успешно пытались починить качели и тут же накиннулись на меня с просьбой им помочь. Качели были старые, крепились на широкою ветку дерева, и чтобы их исправить, нужны были новые валики и кронштейны. Я подозвал Дэвида к себе и задал несколько интересовавших меня вопросов. Однако с тем же успехом я мог бы этого не делать, потому что он ничего толкового мне не сказал, точнее, ничего он и не знал. Дедушка ни на что не жаловался, лекарств не принимал, снотворного тоже, а днем ложился отдохнуть почти всегда. Двумя днями ранее у Дэвида был день рождения, и Макферс ездил с внуком в Нью-Йорк на поезде из Ланкастера, весь день развлекались, сделали несколько покупок. Макферс заказал в Ланкастере для внука скутер, который должны были прислать на этой неделе. Ничего не предвещало того, что случилось потом.

Я вернулся в гостиную. Нил сидел на прежнем месте, только кофе в его чашке уже не было. Вместо него перед Нилом стояла бутылка виски и стакан с остатками. Я внутренне покачал головой. Если так пойдет дальше, Сюзан будет очень недовольна.

– Нил, тебе нехорошо? – спросил я.

Он повернулся ко мне.

– Сегодня часа два назад приходил Филандер, говорил всякую чушь насчет прошлых грехов и наказания, – проговорил Карвер, задумчиво глядя на стакан в руке. – Верится во все это, конечно, с трудом, а вдруг это правда?

– Нил, не болтай глупостей, – возразил я. – Если бы даже подобное существовало, то кто определяет масштаб греха и масштаб наказания, а? Кто? И как?

– А я почему знаю? – резко вскрикнул Карвер. Похоже, что он, действительно, не в себе.

Часы на стене звякнули, я посмотрел – они показывали ровно восемь. Мне почему-то стало неуютно в обществе Нила, но я боялся уходить. Мало ли что, а у него было очень нехорошее настроение, вполне мог напиться. Вряд ли от страха, но что-то с ним не так. Где же Сюзан? Если бы она пришла, я мог бы со спокойной душой уйти, а так мне приходилось сидеть и смотреть, как мой добрый знакомый превращается непонятно в кого.

– Нил, хватит пить, давай лучше поговорим. – Я старался, чтобы мой голос звучал как можно тверже, но в то же время не наставительно. – Что бы здесь не происходило, для этого есть вполне рациональное объяснение. В любом случае, с чего тебе вот так раскисать, дружище?

– Ты это Макферсу скажи, – глухо отозвался он. – Или Кейт Донован.

Я не знал, что возразить, потому промолчал, только встал и унес бутылку виски обратно в бар. Нил даже не обратил на это никакого внимания. Он достал сигарету и нервно закурил. Я как раз возвращался, чтобы сесть обратно в кресло – я твердо решил дождаться Сюзан и узнать, что происходит в городе, как со двора раздались шаги, а через несколь-

ко мгновений, она вошла в дом.

– Привет, Джей, – бросила она и устало опустилась на диван. – Что за день! Девочки Ридли совсем расклеились.

Она вдруг обернулась ко мне:

– Почему молодежь такая хилая? Пыжатся, пыжатся, а как что-то происходит, напоминают кучку напуганных детей?

Я улыбнулся.

– Ты это у меня спрашиваешь или так просто?

– Сюю любит задавать риторические вопросы, – добавил Нил. – Тебе налить чаю?

Она покачала головой, добавив, что напилась сегодня и чаю, и кофе на ближайшие несколько дней.

– Я ушла, когда позвонил Ридли и сказал, что уже в дороге, – сказала она. – Не знаю, когда привезут обратно Кейт, когда похороны, тоже не знаю.

Мы с Нилом молча выслушали это, хотя никто из нас не спрашивал такого. Сюзан устало поднялась:

– Ладно, пойду – соображу что-нибудь мальчишкам поесть.

Когда она вышла, Нил предложил мне выпить пива, но у меня были иные планы на вечер. Я тронул его за рукав:

– Не сегодня, хочу переговорить со Стивенсом и Флордом. Мне надоело ничего не знать, – добавил я. – Пойду, постараюсь их отыскать.

Нил покивал головой, пожелал мне удачи и вернулся в гостиную.

Я же вышел от него и быстрым шагом направился к себе домой. Придя к себе, я захватил ключи от машины и пошел в гараж. Затем я вывел на улицу свой внедорожник и поехал в сторону выезда на шоссе. Полицейское управление находилось прямо при въезде в Престон, а дом Стивенса представлял собой особняк и вовсе находился, можно сказать, уже за пределами городка. Я был уверен, что если он вернулся, то будет дома, а не в клинике. Впрочем, это была даже не клиника, так, несколько кабинетов, скорее медпункт.

В управлении был только дежурный, он сидел в небольшой каморке и смотрел телевизор. Я спросил его, где мне найти Флойда, но тот только покачал головой, заметив, что тот еще не вернулся из Ланкастера. Оттуда я поехал в дом к Стивенсу, но нашел лишь его жену, которая испуганно выглянула из-за двери, держа на руках маленького ребенка. Она сказала мне, что мужа еще нет, что он звонил и сказал, что, возможно, останется на ночь в городе. На мою просьбу дать номер мобильного Стивенса, его жена сначала закрыла дверь, а через минуту вновь выглянула и протянула мне визитку.

– Спасибо, – бросил я и вернулся в машину.

Я вырулил на дорогу и остановился. Уже стемнело, поэтому я включил свет в салоне, достал свой телефон и стал набирать номер Стивенса. Долго не отвечали, но затем в телефоне послышался усталый мужской голос:

– Слушаю.

– Доктор Стивенс?

– Да, это я. Кто говорит?

– Это Джейсон Кларк из Престона. Джим, где вы сейчас?

Мне сказали, что вы в Ланкастере, – проговорил я быстро. – Мне хотелось бы спросить вас кое о чем.

– Да, Джей, я вас помню – вы были вместе с Нилом в доме Макферса, – услышал я. – Мы с Флойдом отправили тела сюда, а потом приехали сами.

– Вы сейчас в Ланкастере? – поинтересовался я.

– Флойд остался – ему нужно еще завтра дожидаться результаты экспертизы и сообщить обо всем в управление. А я выехал обратно на попутке, а теперь застрял в какой-то дыре по дороге. Как раз собирался звонить жене, что останусь ночевать в здешней гостинице.

Решение пришло сразу.

– Не торопитесь звонить, – произнес я. – Скажите, где именно вы находитесь, я за вами заеду.

– А вам не трудно это сделать? – с надеждой спросил Стивенс.

– Ничуть.

Он сказал, что узнает, как называется мотель, в котором остановился, и перезвонит мне. Я тем временем выехал на трассу и поехал по шоссе на Ланкастер. Через пару минут раздался звонок, и Стивенс описал мне, как найти придорожный мотель, где он находился, как называется.

– Я буду в кафе у дороги при въезде во двор мотеля, –

добавил он и повесил трубку.

Немногим больше, чем через полчаса, я подобрал Стивенса к себе в машину, развернулся и поехал обратно. Я хотел расспросить его по дороге обо всем, связанном с тремя подозрительными смертями. Но он принялся описывать свои сегодняшние приключения.

– Черт меня дернул послушать Флойда и поехать обратно, – сетовал Стивенс. Он достал сигарету и закурил. – А дважды черт дернул сесть с машину к этой старой дуре.

– Какой дуре?

– Э-э! – Стивенс раздраженно махнул рукой. – Мне кажется, Флойд просто хотел от меня избавиться, наверное, ему это поручили. А что касается старой дуры, она ехала в эту сторону, я сказал ей, что мне нужно в Престон, а она только кивала, вот я и решил, что она едет еще дальше. А оказалось, что она ехала в Мэдсон-Сити – это та дыра, где вы меня подобрали, Джей. Кстати, спасибо, что приехали. Вы чертовски меня выручили.

– Ерунда. Мне все равно было нечем заняться, – ответил я. – Джим, расскажите, что все-таки произошло?

Стивенс откинулся на сиденье и устало провел ладонью по глазам. Потом встряхнулся и повернулся ко мне:

– Если честно, то я не знаю. Все трое умерли от асфиксии, которую легко спутать с сердечным приступом – результат и в том, и в другом случае – это остановка сердца. Но при этом нет следов насилия, ногти чисты, значит, нападения

не было. В крови нет следов ни наркотиков, ни лекарственных препаратов, ни ядов, ни черта! Мы отправили образцы тканей в инфекционный центр. Единственное, что мне приходит в голову, это подозрение на эпидемию или инфекцию. Это бы хоть как-то объяснило асфикцию, но никаких следов. Никаких!

Я кивнул. Сегодня я о версии про инфекцию уже слышал.
– А больше никаких мыслей нет?

Стивенс покачал головой и ничего не сказал. Я вернулся к дороге, фары разрезали темноту, бросая в стороны неясные тени. Через несколько километров я свернул с трассы и въехал в лес. Отсюда в Престон вела проселочная дорога – это был второй въезд в городок. Первый находился по трассе дальше, и я решил срезать путь. Я ездил по этой дороге много раз, Стивенс – тоже, и мы не рисковали заблудиться. До дома оставалось всего мили две по лесной дороге, и я подумывал уже об уютной постели. Однако произошла одна странность.

Кларк

Спустя мили полторы после того, как мы въехали в лес, фары моего автомобиля вдруг стали мигать. Вначале я думал, что мне показалось, однако Стивенс тоже обратил внимание и даже спросил, не показалось ли ему. В принципе, в этом не было бы ничего из ряда вон выходящего, однако, во-первых, мой «Чероки» был совершенно новенький, а во-вторых, темнота и лес вокруг всегда действуют на людей подавляюще. Я не стал придавать этому значения, и продолжал ехать. Но проехал только еще ярдов тридцать, когда внезапно фары вовсе перестали давать свет. Я остановил машину и выглянул из окна. И тут я удивился и удивился очень сильно. Дело в том, что фары работали. По крайней мере, мне так показалось. Я решил проверить и, кинув Стивенсу «Пойду гляну», вышел из машины. Я оказался прав: фары работали, и работали, как надо. Я выпрямился и тут осознал, что вокруг меня не просто темнота, а какая-то сплошная чернота. Казалось, протяни руку и сможешь даже потрогать эту черноту, настолько она была явной, осязаемой, почти материальной.

– Ну что там, Джей? – услышался голос Стивенса из салона. – Помочь?

Я почти наощупь обошел капот, чтобы приблизиться к окну с его стороны. Стивенс выглянул из окна и чуть не уда-

рился своим лицом о мое.

– Джим, тут что-то странное, – проговорил я.

– Вижу, – отозвался тот. – Точнее, почти ничего не вижу.

Вы это имеете в виду?

– Да. Фары светят, но света не дают, и я тоже почти ничего не вижу. Если будем ехать вот так вслепую, врежемся в дерево в два счета.

– Может, это только здесь, – предположил он.

– Проверим.

Я так же наощупь вернулся и сел в водительское кресло. Тьма не рассеивалась. Мне даже показалось, что она становится еще гуще.

Стивенс сидел, вертя головой в разные стороны, а потом растерянно уставился на меня.

– Джей, что это там такое?

– Не знаю, Джим. Поехали. Попробуем выбраться из этого.

Я переключил передачу, тронулся и буквально через пару секунд все пропало. Воздух был чист и прозрачен, была, конечно, ночь, но обычная, а не то, что было минуту назад. Я вновь остановил машину и повернулся к Стивенсу:

– Что это было?

– Черт его знает, туман какой-то?

– Микроскопический какой-то туман, – отозвался я и выбрался из машины. Когда я обернулся назад, я удивился еще сильнее, потому что ничего там не было. Ровным счетом ни-

чего. Я ожидал увидеть, ну не знаю, какое-то черное облачко хотя бы, через которое мы проехали, но ничего не было. Я сделал для верности еще несколько шагов вдоль машины, но нет, точно ничего.

– Ну что там? – раздался голос Стивенса из машины.

Я вернулся, сел за руль и поехал дальше:

– Ничего.

– Ничего?

– Угу. Именно так. Если бы я был один, я бы решил, что мне все померещилось.

Стивенс хохотнул.

– Но нас двое, значит, не померещилось. Хотя черт с ним, если бы вы знали, Джей, как я устал...

Через несколько минут я уже высаживал его возле дома. Он стал приглашать меня к себе, но я понимал, что это дань вежливости. Ему нужно сейчас хорошенько отдохнуть, а не сидеть с ночным гостем, болтая на посторонние темы и делая вид, что это ему очень нравится. Так что я вежливо отклонил предложение и поехал домой.

Переговорив недолго с полусонной Эмили по телефону, я умылся, разделся, и лег в постель. Долгое время не мог заснуть. Столько мыслей лезло в голову, что было неудивительно. Три смерти почти в одно время. Это не может быть совпадением, это должно быть убийством. Я лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок и оторопев от этой мысли. В жизни не сталкивался с убийством, со смертью ро-

дителей – да, с несчастными случаями в Нью-Йорке – да, но с убийством... Только в кино да книгах. Это было так далеко от меня, словно в другом мире. Убийства, кровь, преступления. Странно такое говорить взрослому человеку, выросшему в Нью-Йорке, особенно после моих приключений по некоторым делам Джерико, и не хочу показаться этаким пай-мальчиком, выросшим в тепличных условиях, но все-таки с преступлениями так близко действительно почти никогда не сталкивался. А уж с убийствами – тем более. И не хотел сталкиваться, а тут вдруг такое. Поймал было себя на мысли – а что «такое»? Ведь по большому счету, ни одно из этих убийств меня не касается. Никак не касается. Даже если я решу сюда переехать окончательно, даже тогда. Отчего же у меня такое ощущение, словно все это задевает меня за живое, почему, когда Эмили посоветовала мне уехать, я чуть не вскипел от негодования, словно мне предлагают предать кого-то? Но подсознательно я знал ответ. «Однажды твое повышенное чувство справедливости доведет тебя до беды, – сказал как-то мой отец, когда меня, еще почти мальчишку чуть не уволили за то, что я вступился за напортачившего со счетами клиентов коллегу. Но через пару секунд добавил: – Но я счастлив, что ты у меня такой». Почти то же самое он сказал, когда ограбили мою соседку, пожилую женщину, и мне показалось, что полиция палец о палец не бьет, чтобы найти преступников, и заставил Джерико заняться этим делом. «Если останешься без работы, прихо-

ди ко мне, я тебя немного поднатаскаю, пойдешь работать общественным защитником», – пошутил он. Но дело свое сделал. От той соседки я получил в качестве благодарности два поцелуя в щеки и огромный шоколадный торт. «Ты псих, – коротко сказал Джерико, когда я пригласил его к себе, и мы наворачивали этот торт, как первокурсники в колледже. – Поэтому ты мой единственный друг». У Джерико было две квартиры на Манхеттене, загородная вилла, роскошная семья, несколько машин и всего один друг. Вот такой сейчас мир.

Флойд хороший парень, отменный и честный коп, но он ограничен правилами, если инструкции велят ему, что в деле нет криминала, ему придется оставить это дело, даже если он будет, как и я, уверен, что дело нечисто. И тогда Донован так и не узнает, кто, как и почему убил его жену, мирно спавшую рядом с ним, причем сделал это так незаметно, что, как говорится, он ни сном, ни духом. Только вот когда я буду видеться с Ридли, мне будет стыдно, словно я причастен к этому убийству, потому что мог помочь, да решил остаться в стороне. «Ты, конечно, не юрист, – говаривал Джерико, – но как финансист, дважды два складывать умеешь. А в нашем деле самое главное – это логика». Удивительно, но часто именно я помогал Джерико советами в его процессах. Хотя к криминалу они имели отношение очень редко, все больше корпоративное право, а к убийству и вовсе никогда. Но, как говорится, логика – она везде логика. Только вот, в этом деле

нет никакой логики. Нет – есть, возразил я самому себе, логика есть во всем, просто мы ее пока не видим. Обнаружишь связь, обнаружишь логику.

Когда я наконец засыпал, то уже знал, чем займусь с самого утра. И первым пунктом стояла таинственная темнота в лесу.

Вопреки своим ожиданиям, проснулся я рано. Быстро собрался, глянул новости, вывел машину на улицу и поехал в сторону дома Стивенса. Немного дальше от того места, где находилось полицейское управление, а чуть дальше клиника Стивенса, дорога делала поворот, уходя в сторону главного шоссе, и на месте этого поворота дорога, шедшая из Престона, как бы продолжалась, но уже проселочная. Через сотню-другую ярдов она полностью уходила в лес. Въехав в лес, я стал следить за спидометром, и когда проехал полмили, остановил машину и вышел. Здесь мало кто ездил, а со вчерашней ночи и вовсе, наверняка, никто, так что теоретически я мог бы найти свои следы, но следопыт из меня никакой, поэтому я просто пошел по дороге наугад. И то, что я увидел собственные следы, не иначе было как удача. Оказалось, что я почти точно рассчитал расстояние – буквально в десятке шагов от того места, где сейчас стояла моя машина, я заметил собственные следы прямо посреди дороги. Впрочем, это была даже не дорога, а так, широкая тропа, по краям которой машины за много лет оставили борозды от колес, и в одном месте посреди этих борозд, на мягкой сыроватой земле

виднелись следы. Нечеткие, но именно такими они и должны были бы быть, так как я прошел спереди машины раз, а затем точно также вернулся обратно на водительское место. Вот оно, место, где мы стояли, где мы со Стивенсом остановились. Но что это было? Я стал оглядывать лес вокруг. Лес – как лес, неухоженный, но и не дикий, просто мрачный и неуютный. Деревья стоят редко, но кругом колючие кусты, земля покрыта пожухлой листвой даже сейчас, летом, тут и там торчат какие-то коряги. Сюда практически никто не ходил, неуютное место для прогулок, а уж тем более для пикников. Даже сумасбродные подростки сюда не забредали и не заезжали, все предпочитали места у реки, на другой стороне от Престона, там все было совсем другое. Открытые полянки, яркая трава, даже яблони росли. Никто не задумывался, почему так – расстояние всего в милю какую-то, а такая разница. Да и я тоже, просто так бывает. Идешь по лесу, мрак какой-то, и вдруг приятная полянка. Впрочем, это не про наш лес, про то место, где я сейчас находился – тут, сколько не иди, ничего приятного не встретишь, просто через пару миль выйдешь к шоссе.

Я продолжал оглядывать ближайшую местность. Если что-то тут и есть, оно возле дороги, потому что именно на дороге нас «прихватило». Я обошел то место, где обнаружил свои следы с радиусом ярдов в двадцать, внимательно разглядывая землю – может, здесь какие-то химикаты разбросаны или еще что? Но ничего не увидел, ничего, обыч-

ный мрачноватый лес на отшибе городка. Так я покрутился по этому участку еще минуту пятнадцать и стал возвращаться к дороге, как вдруг почувствовал дурноту, резкую слабость, дыхание сперло, голова стала кружиться, ноги налились тяжестью, а глаза, я лишь ощутил это, стали закатываться. Вон отсюда прочь! – мелькнуло у меня в голове, я схватился за какое-то дерево, рывком дернулся и таким образом сдвинулся с места. Голова была такая тяжелая, что казалось, отвалится и покатится по земле. Я старался быстро переставить ноги хотя бы на несколько шагов, чтобы не рухнуть ничком. Со стороны я, наверняка, выглядел, как пьяница, который вот-вот рухнет лицом в канаву. Шаг, еще шаг, еще один, два, и вдруг все прошло. Я встрепенулся, ожидая, что симптомы остались, но ничего не было, напрочь, словно, кто-то ластиком стер с меня всю дурноту, которая секундами ранее чуть не повалила меня на землю. Я осторожно обернулся. Ничего, ровным счетом ничего. Однако я знал себя – ничто на свете не могло бы привести к тому, что со мной сейчас произошло, даже если бы я пробежал супермарафон или бы меня выбросили из самолета... Нет, это было намного хуже. Воздух здесь явно отравлен. Однако тут же оборвал себя: ты в этом уверен? А сейчас проверим. Я повернулся и пошел обратно – если все повторится, значит, в земле что-то есть, что отравляет воздух. Однако я благополучно прошел то место, где у меня подкосились ноги, протопал еще ярдов тридцать, затем вернулся и столь же благополучно мино-

вал то же место в обратном направлении. А это действительно странно, подумал я. Если скажем, тут в земле какая-то отравка, почему она то действует, то не действует? Я покачал головой и направился к машине. Я стал обходить ее сзади, когда на меня вновь наваливалось. То же самое, что в первый раз, но, как мне показалось, еще сильнее. Слава Богу, оставалось сделать лишь пару шагов, я открыл дверцу и плюхнулся за руль. Нет, уж, еще одного «до свидания» ждать не придется – через несколько секунд «Чероки» уносил меня обратно в сторону городка.

Домой приеду, все обдумаю, вертелось у меня в голове. Домой приеду, все обдумаю. Надеюсь, никто не видел, как моя машина с визгом вылетела из леса, иначе пойдет слухок, что Кларков-то сынок надрался среди бела дня и на джипе по лесу гонял, как сумасшедший. А я действительно, был как сумасшедший, да и кто бы на моем месте не был. Столкнуться с подобным, да еще почувствовать липкий ужас на себе аж дважды – от этого кому угодно станет не по себе. Мелькнула мысль все бросить и убраться отсюда прямо сейчас, даже не заезжать домой. Мелькнула и пропала, как молния в темную ночь. Когда я выехал на центральную улицу Престона, зазвонил мобильный. Эмили.

– Ну как дела, дорогой? – Она, видимо, недавно пришла на работу, и ее еще не успели куда-то отправить.

Я как мог незаметнее сглотнул и как мог непринужденнее ответил:

– Нормально. Сейчас вот выехал из дома, еду за покупками. Надо бы что-то приготовить, а то вчера, как приехал, сразу спать завалился. Ну, ты знаешь...

– Знаю и как раз об этом я и хотела тебя спросить? – Голос Эмили был не строгий, не заинтересованный, а какой-то настороженный. Обычно после такого голоса у нас начинались ссоры.

– Ага.

– Я вечером не совсем поняла, что еще за Джим, и почему ты решил за ним куда-то ехать? – Эмили выпалила все это тоном прокурора на суде.

Я вздохнул. Сколько раз у нас бывали подобные разговоры. Нет, это не ревность, вряд ли, потому что мне она доверяет, нет, это скорее борьба со мной и окружающим миром за каждую секунду моего времени.

– Вечером я ездил за ним, потому что он уехал в Ланкастер еще под вечер вместе с шерифом, чтобы проконвоировать тела, чтобы их обследовали в тамошнем морге. Но шериф остался, а Джим решил возвращаться. Впрочем, он думает, что шериф специально отфутболил его. Может, тоже догадался, что это убийства.

Вот идиот! Несколько секунд паузы, в течение которых я как раз подъехал к своему газону перед домом, а потом тихий голос Эмили:

– Какие еще убийства?

Хочешь – не хочешь, а теперь уж объяснений точно не из-

бежать. Хотя бы в полуразбавленном виде.

– Эти три человека, миссис Майлз, Макферс и жена Донована – понимаешь, у меня возникло подозрение, что это не простые сердечные приступы.

– Что значит «у тебя возникло подозрение»?

– Посуди сама, трое в течение менее недели умирают одинаковой смертью. Сердечный приступ. Да еще эти лица.

– Лица? Какие лица?

– Перекошенные?

Эмили помолчала еще пару секунд.

– Джей, ты в порядке? Я тебя знаю, ты не станешь напиваться, да еще с утра, тогда почему несешь бред?

– Эмили, это трудно описать, но поверь мне – все именно так и есть. У двоих точно, у жены Донована, видимо, тоже – лица после смерти были перекошенные. Джим сначала думал, что это отравление, потом подозревал электрошок – говорит, от этого лицевые мышцы могут так сокращаться, потом решил, что может инфекция, а теперь – не знаю, что думает. Наверное, он поехал к шерифу узнать новости.

– Джей, ты все это серьезно?

– Еще как!

– Ты, что, в детективный роман попал?

Я вздохнул.

– Боюсь, не только я, весь наш Престон.

– Тогда тебе следует немедленно убираться оттуда, – почти прокричала Эмили. – Немедленно.

Да уж, а ведь ты еще кое-что не знаешь, подумал я, вспоминая, как меня чуть не вывернуло наизнанку в лесу, но вслух лишь сказал:

– Во-первых, это лишь мои подозрения, Джим даже не заикался об убийстве. А во-вторых, я не могу уехать, это мой дом. Ну и, в-третьих, мне ничего не грозит.

Эмили вновь немного помолчала. Было понятно, что она принимает решение.

– Думаю, ты прав, что это я распаниковалась? Не серийный же убийца у нас там завелся, правда? Так что... нет, все равно, держись от всего этого подальше. Слышишь? Подальше. Я приеду в субботу. Если к тому моменту ты будешь на кладбище, в морге или больнице, на меня не обижайся.

Я люблю ее как черт.

– Не буду. В меру возможностей. Потому что городок маленький, эти происшествия у всех на устах, болтают, спрашивают, так что целиком отгородиться не получится.

– Вот именно в маленьких городках и заводятся серийные психопаты. И вообще, голову мне не морочь. Ты прекрасно понял, что я имею в виду, когда говорю, держись подальше.

Я не стал спорить, и скоро она повесила трубку. Кое-что, что она сказала, натолкнула меня на мысль, которая раньше мне почему-то в голову не приходила, но теперь она все серьезнее и серьезнее застревала у меня в мозгу. Только все это нужно проверить, и не поднимая большого шума.

Вопреки обещанию, я вместо того, чтобы идти спокойно

домой и продолжить чинить что-нибудь или просто плевать в потолок, завел машину и поехал туда, где мог кое-что пораспрашивать. Тем более предлог есть – я не завтракал.

У Донована было открыто. Я припарковал машину и вошел внутрь. В зале никого не было, и я прошел к стойке. Я не стал садиться, а подошел к стойке и собирался постучать, чтобы кто-нибудь вышел. В этот момент из-за барной стойки выпрямилась фигура, и я увидел, что это Эмили, старшая дочь Донованов, симпатичная девушка лет девятнадцати. Только сейчас она вовсе не выглядела симпатичной – глаза красные, заплаканные, волосы не причесанные, бледные губы.

– Эмили? – глупо спросил я.

– Добрый день, сэр, – тихо проговорила она.

– Эмили, ты не узнаешь меня?

Она рассеянно поглядела на меня, потом так же бесстрастно сказала:

– Простите, мистер Кларк. Я не знаю, что со мной. Это из-за мамы...

Она всхлипнула, как маленький ребенок. Мне вовсе не хотелось, чтобы она расплакалась, поэтому я быстро поинтересовался, здесь ли ее отец.

– Да, сэр, он вернулся вчера вечером, но лег спать, и боюсь, еще не вставал.

Ее фраза прозвучала настолько откровенно зловеще, что мы оба обратили на это внимание – уж слишком страшным

стало для всех нас в последние дни это непросыпание. Эмили только успела буквально выдохнуть: «О, нет!» и собралась было кинуться в заднюю дверь, ведущую в их квартиру, как она отворилась, и на пороге стоял Ридли Донован. Выглядел он, мягко говоря, не очень. На нем были спортивные брюки и футболка, лицо помятое, глаза блуждают – я никогда еще не видел его в таком состоянии.

– Привет, Джей. Что, зашел выпить? – Голос у него дрожал, а когда он подошел ближе, я увидел, что и руки тоже.

– Нет, Ридли, хотел принести тебе соболезнования. Мне очень жаль, Ридли, Эмили, чем я могу вам помочь?

Донован положил мне руку на плечо.

– Если хочешь мне помочь, посиди со мной. Я приехал вчера и надрался, как последняя свинья. Теперь мне очень хреново, – он повернулся к дочери: – Эмми, налей-ка нам по кружке пива. Не перечь, Джей! Все в порядке.

– Тогда, может, Эмили сделает мне омлет? Я еще не завтракал.

– Слышала, Эмми?

Девушка кивнула и пошла за стойку.

Мы прошли и сели за ближайший столик рядом со стойкой. Эмили принесла нам пиво и, отходя, погладила отца по голове. Он перехватил ее руку, накрыл ее своей ладонью и ободряюще похлопал по ней.

– Все будет хорошо, моя девочка, все будет хорошо.

Она повернулась ко мне:

– Принесу омлет, как будет готов. Пару минут.

Ридли приложился к бокалу, а мне не хотелось. Но и его обидеть тоже не хотелось, поэтому я сделал вид, что пью, потом отставил свой бокал и посмотрел на Донована.

– Ридли, хотел тебя кое о чем спросить.

– Валяй, – сказал он и в два приема опустошил свой бокал. – Эмми, принеси еще.

Я немного помялся, все-таки не очень-то мне улыбалось допрашивать человека в таком состоянии, но выбора не было.

– Ридли, прости, что спрашиваю, но когда ты обнаружил свою жену... э-э, ну, как она выглядела?

Донован оторопело посмотрел на меня.

– Как мертвец, как же еще!

– Нет, ты мне скажи, у нее были признаки удушья?

Он пожал плечами.

– Почему я знаю? Она была мертва и все. Стивенс, правда, долго копался, все заглядывал ей в рот, прощупывал горло, а потом ее увезли. Я поехал с ними, но дело затягивалось, а тут девочки, я не мог их оставить, поэтому вернулся.

Я решил попробовать с другого конца:

– Ридли, ночью ты ничего не почувствовал? Что-то вроде удушья, странного запаха или чего-то в этом роде.

Донован задумался. Он даже не заметил, как дочь принесла и поставила перед ним новую кружку пива. Потом взял ее, отпил немного и ответил:

– Сейчас, когда ты спросил, мне смутно вспоминается, что я проснулся среди ночи, и было что-то странное. Кейт была еще жива, она спала, правда, как-то беспокойно, но я не обратил на это внимание.

– Так что же было странного?

– Было темно, Джей, понимаешь, слишком темно. У нас напротив окна через дорогу горит фонарь, поэтому даже ночью бывает довольно светло, а тут, как будто бы, шторы были задернуты. Да только нет у нас штор, есть занавески, да они тонкие, как марля. Я решил, что, наверное, небо затянуто тучами, еще подумал, что верно, скоро дождь пойдет. И заснул, вот и все. А в чем дело, Джей?

В голове мелькнуло, что если это облако было бы в комнате, именно такое впечатление и создалось бы.

– Секунду. Еще один вопрос, Ридли. Когда ты возвращался вчера, ты не заметил ничего в лесу? – спросил я.

– В лесу? – переспросил он. – А я не был ни в каком лесу. Я приехал на автобусе до нашей развилки, оттуда по дороге спустился к нам. Что мне делать в лесу?

Я опомнился. Верно. Первая и основная дорога в наш городок идет вовсе не через лес, она широкая и спускается прямо от трассы.

Эмили принесла мой завтрак, и это было как раз вовремя. За едой можно было бы продолжить разговор более неприужденно, потому что Ридли вдруг стал немного насторо-

женным.

– Всегда поражался вашему омлету, – проговорил я. Лесть смягчает сердца, говаривал Джерико, и открывает дорогу к душе. Немного не в моем стиле, но часто дает необходимый результат. – Миссис Донован славилась своим омлетом. Как впрочем, и всем остальным...

Ридли мрачно посмотрел куда-то вбок.

– Ее нет всего один день, а мне ее уже не хватает. И знаешь, самое страшное, когда такое происходит внезапно.

– Она ни на что не жаловалась? – спросил я, потихоньку подводя к тому, что меня интересовало.

Он покачал головой.

– Не только не жаловалась, она вчера хотела поехать в Ланкастер, купить кое-какие обновки.

– А как настроение? Ничего не заметил?

Ридли посмотрел на меня странным взглядом. Действительно, мой вопрос выглядел, наверняка, странным, может, даже неуместным. Но если не задавать вопросы, ничего не выяснишь.

– Да вроде нет, а что?

– А эта поездка, в Ланкастер... Она давно ее планировала?

– Слушай, Джей, ты задаешь непонятные вопросы, ты сам-то понимаешь? Ты что-то знаешь насчет смерти Кейт? Если знаешь, говори.

Я колебался недолго. Придется хоть что-то сказать, рас-

слабленную версию.

– Ничего конкретного не знаю. Просто понимаешь, когда здоровый человек внезапно умирает, всегда можно найти хоть какую-то причину, если вспомнить его последние дни.

Ридли пожал плечами и немного смягчился.

– Не знаю. Вроде все было нормально. Хотя насчет Ланкастера... насчет поездки она мне сказала в тот день, когда умерла. А до этого, до этого, нет, не планировала. Думаешь, это имеет какое-то отношение? Я, например, не представляю какое. Какое бы ни было у человека настроение, это его не убьет, разве что это какой-нибудь божий одуванчик, от любого негатива помрет.

Я отодвинул тарелку и придвинул кружку поближе. Но пить не стал.

– То есть в Ланкастер она собралась ехать через два дня после смерти миссис Майлз?

Ридли резко вскинул голову.

– Не понял? Ты думаешь, тут есть какая-то связь?

– Понятия не имею. Кстати, они как, дружили?

Ридли кивнул.

– Очень давно. Еще в юности, вообще, насколько помню, они всегда были подругами. Особенно когда пропал Эдвард Майлз, Кейт ей сильно помогала. Даже в кондитерской все не повалилось только благодаря ней. В те дни она больше времени проводила там, чем здесь. Но я был не против, Марта была хорошей женщиной, я и сам ей старался помочь как

мог. Тем более, дети приехали на пару дней, когда их отец пропал, потом опять смылись. Кажется, они тогда в колледже учились. Хороши детки! Сейчас тоже, думаю, побудут чуток и смоются. Удивляюсь, что до сих пор не уехали.

– У них сын и дочь?

Ридли опять кивнул.

– Сын и дочь. Постарше наших девочек будут. Если честно, понятия не имею, чем занимаются.

Я понял, что пора сматывать и полез в карман за деньгами. Но Ридли остановил меня:

– Если заплатишь, можешь больше не приходить. Ты мой гость.

Я вынул руку из кармана и поднялся.

– Ридли, ты держись, ладно.

Он посмотрел на меня снизу вверх.

– Теперь уже не знаю, что думать. Если ты считаешь, что все это неслучайно...

– Я ни в чем не уверен, просто чересчур недоверчивый. Работа такая. Думаешь, в нашем деле мало жуликов? Не верь никому, иначе обанкротишься в два счета.

Он пожал плечами. Я попрощался и вышел, а он остался сидеть, погружившись в собственные мысли.

Нэнси Майлз

На мой стук дверь открыла женщина лет двадцати семи. Невысокого роста, довольно плотная, с короткой стрижкой. Прямо скажем, далеко не красавица. Что бы там Ридли не говорил, а лицо у него заплаканное. Понятно, конечно, мать умерла. Однако почти неделю назад все-таки.

Когда она открыла и уставилась на меня, мне пришло в голову, что предлога тут ошиваться-то у меня вовсе и нет. Но говорить что-то все равно нужно.

– Добрый день. Меня зовут Джейсон Кларк, я тут недавно приехал, мои родители тут жили...

– Я знаю вас, мистер Кларк, – прервала она меня и отодвинулась в сторонку: – Проходите, пожалуйста.

Меня это приятно удивило, потому что, глядя на нее, можно было догадаться, что мне придется долго объясняться, что меня привело. Я прошел в небольшой холл и обернулся к ней:

– Я приехал после смерти вашей матери и подумал, что, может, могу чем-то помочь. Вам или вашему брату. Два года назад умерла моя мать, я помню, каково это.

Она закрыла дверь и жестом пригласила меня пройти в гостиную.

– Я налью чаю, не возражаете?

– Да, конечно, спасибо.

Она прошла на кухню, и ее голос доносился вперемешку со звяканьем посуды и гудением чайника.

– Дилан уже уехал, он не мог дольше тут оставаться. Он работает в Филадельфии в юридической конторе, еле вырвался сюда на несколько дней. Представляю, что про него говорят – черствый, ненадежный...

Я ничего не ответил. Я стоял перед широким комодом из красного дерева и смотрел на фотографии. Их было несколько. Одна привлекла мое внимание: мужчина и женщина лет под сорок, мальчик лет пятнадцати и девочка лет тринадцати. Девочка – это была Нэнси Майлз, сидела на корточках, обнимая большого ретривера. Счастливая семья, идеальная американская семья, но проходит пять лет, и пропадает отец, проходит еще десять – умирает мать, все порушилось, нет уже тех улыбок, что были на фотографии. Миссис Майлз на фото выглядела веселой, жизнерадостной, а ее муж – этаким медведем, настоящим деревенским трудягой, хмурым и настороженным.

– Отец никогда не был душкой, – раздался голос Нэнси.

Я обернулся. Нэнси стояла с подносом в руках, подошла к небольшому столику и стала раскладывать чашки.

– Мама была доброй, веселой, к ней приходили не только за пирожными, но и просто поболтать. А вот с папой поболтать желания ни у кого не было. Сейчас, глядя назад, я понимаю, что это была странная пара.

– Странная, но, видимо, счастливая, – добавил я.

Она налила чаю и протянула мне чашку, кинув взгляд на фотографию.

– Удивительно, да? Но это так и было. По крайней мере, первое время. Не помню, чтобы они когда-нибудь даже ссорились. Потом... ну потом, у кого не бывает ссор? Когда папа пропал, мы с Диланом были в Филадельфии – он заканчивал колледж, а я только поступила. Что мы могли поделать? – Она все больше и больше погружалась в воспоминания. Казалось, что она никак не может оторваться от фотографии на комод. – Мы только казались взрослыми. Как и все подростки. А на самом деле были просто испуганными цыплятами. Маме стало совсем трудно. Папа помогал ей в кондитерской, а потом она осталась одна. Мы вернулись обратно, а она осталась одна. Совсем одна.

Она наклонила голову. Казалось, она вот-вот заплачет, но вдруг вскинулась, словно, остановила саму себя.

– А впрочем, что это я? Вы, наверное, пришли по делу, мистер Кларк?

Я покачал головой.

– Как раз наоборот. Я думал, что ваш брат тоже тут, ну и хотел предложить помощь.

– Спасибо большое, – ответила она. – Не знаю даже, что мне делать. Знаете, после похорон вы первый, кто пришел. Да, еще заходил мистер Макферс, расспрашивал насчет мамы. Ну и миссис Донован, конечно. Они были с мамой большими подругами.

А вот уже кое-что.

– Мистер Макферс? – деланно удивился я. – А что его интересовало? Кстати, вы знаете, что он тоже умер?

– И он, и миссис Донован, – кивнула она. – Приходил еще шериф Флойд с мистером Стивенсом. Спрашивали насчет лекарств, не принимала ли мама чего-то необычного, не болела ли заразными болезнями. Но все это ни к чему. Мама умерла, и все тут.

– Ну а все же, ваша мама принимала какие-нибудь необычные лекарства? – поинтересовался я.

Она посмотрела на меня, видимо, хотела спросить, зачем мне это нужно знать, по крайней мере, это читалось в ее взгляде, но удержалась и лишь ответила:

– Она вообще не принимала никаких лекарств.

Я решил подойти с другого конца.

– Вы сказали, что заходил мистер Макферс? А когда это было?

– Он приходил на похороны, мы немного поговорили, а потом он пришел на следующее утро, хотел посмотреть кое-какие мамины фотографии. Он толком не объяснил, зачем ему это нужно, но я не была против – они были старинными приятелями, почему бы нет.

Макферс был старинным приятелем миссис Майлз? Вот этого я не знал.

– Старинными?

Нэнси кивнула.

– Еще какими. Насколько я знаю, они дружили еще до того, как мама познакомилась с папой. У папы не было никого здесь, у него вообще никого не было – мистер Макферс был шафером на их свадьбе. Он тогда уже был известным адвокатом, хотя был совсем молодым, и имел контору в Ланкастере, но часто приезжал сюда, он даже, помню, Дилана подбивал стать юристом. Хотя папа был против. И подбил-таки, – Нэнси слегка улыбнулась.

– Нэнси, а вы не помните, какие фотографии Макферс смотрел?

– Он не только посмотрел, он попросил одну или две взять с собой. Я не против, – пожала она плечами.

– А что это были за фотографии? – спросил я. Не знаю почему, но мне казалось, что это очень важно – три смерти хорошо знакомых людей, старинных друзей, интерес к фотографиям, неужели все так просто?

Нэнси подлила чаю себе, посмотрела вопросительно на меня, но я покачал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.